Зиновий **Бекман**

ЭВАКУАЦИЯ. Испытания и невзгоды (отрывок из воспоминаний)

Зиновий Петрович Бекман — бывший симферополец, а в детстве он со своей семьёй жил в коммуне «Войо-Ново». Музыкант по профессии, он долгие годы работал директором первой музыкальной школы города, был депутатом горсовета. Сейчас Зиновий Бекман живёт в Израиле, но крымская тематика остаётся ему так же близка. В воспоминаниях автор обращается к военным годам, когда он был ещё ребёнком. И на долю его, как и всех людей, переживших войну, выпали суровые испытания.

Вначале немного предыстории…

Крым. Небольшое село Озгул (ныне Листовое) Сакский район, 25 км от Евпатории. В 1928 г. на этом месте реэмигрантами из Палестины, членами сионистской организации «Гдуд Ха-Авода» была основана еврейская сельхозкоммуна «Войо-Ново» (на эсперанто «Новый быт»). Коллективный переезд 75 человек во главе с известным деятелем рабочего социалистического движения Менделем Элькиндом в СССР стал возможен благодаря рекомендации Коминтерна и согласию Советского правительства. Приехал из Палестины и мой будущий отец Пейсах Бекман. Позже в коммуну стали прибывать еврейские переселенцы с Украины и среди них моя будущая мать Березовская Маня, её родители Березовские Абрам и Розалия, и младшая сестра Люба. За короткий срок коммуна «Войо-Ново», по сути — кибуц, добилась значительных успехов в производстве сельхозпродукции: молока, мяса, зерна и овощей. Однако к концу 1934 г. коммуна «Войо-Ново» насильственно была реорганизована в колхоз с тем же названием. Бывших коммунаров ожидали суровые испытания сталинских лагерей. 27 человек и в т.ч. мой отец были осуждены по ст.ст. 58 п.10.п.п.11 УК РСФСР к различным срокам с отбыванием наказания в лагерях особого назначения, а председатель коммуны Элькинд — к расстрелу. После ликвидации коммуны и последующего ареста отца наша семья продолжала жить в колхозе «Войо-Ново». Мама работала в колхозной бухгалтерии, а дедушка — Абрам Березовский — был знатным конюхом Крыма, и даже в 1940 г. участвовал во Всесоюзной сельхозвыставке в Москве. Я родился в 1934 г. и в сентябре 1941 г. должен был поступить в 1-й класс школы, но начавшаяся война отодвинула моё поступление ровно на 3 года. Когда нависла угроза оккупации Крыма фашистами, мой дедушка был против эвакуации. Во время первой мировой войны он какое-то время, пока не совершил побег, находился в австрийском плену, общался там с немцами и потому не верил, что они уничтожают евреев. Вскоре пришел приказ Комитета Обороны об обязательной эвакуации колхозного скота. В нашем колхозе эта задача была поручена семьям, состоящим к тому времени в основном из женщин и детей. Мой дедушка в свои 64 года он был ещё достаточно крепким кряжистым мужчиной, поэтому уход за лошадьми, сбруей и средствами передвижения легли на его плечи. Накануне отъезда, когда все семьи были к нему готовы, неожиданно колхозница, бывшая коммунарка, Мина Сегал, у которой муж был репрессирован, отказалась от эвакуации. У неё были дочь Иля (10 лет) и сын Алик (4 года), а также на попечении еще трое детей: Клейман Дина (13 лет), Табачник Юлик (10 лет) и Ройзман Макс (11 лет), родители которых тоже были репрессированы. Мина была уверена, что немцы не тронут жену и детей «врагов народа». Помню, как в день отъезда моя бабушка Роза, рыдая, уговаривала Мину разрешить уехать хотя бы не своим детям и, получив отказ, сказала Мине, что она совершает непоправимую ошибку. Её слова оказались пророческими. В конце сентября 1941 г. ранним осенним утром необычный обоз, за которым следовали стадо коров, отара овец и небольшой табун лошадей, покидали родное село.

Прошло много лет, но я отчетливо помню понурые лица провожающих односельчан, их слезы и горькие рыдания отъезжающих… Лошадьми, запряженными в подводы, управляли женщины и подростки. На подводах ехали дети, старики и попеременно погонщики скота. Пункт следования - г. Керчь. Расстояние около 300 км. Двигаться можно было только проселочными дорогами, чтобы организовывать выпас скота и водопой. На привалах доярки доили коров. Часть молока

шла на питание, остальное сдавали колхозам. С каждым днем ночи становились более прохладными, дожди сковывали движение. Погонщики скота от усталости валились с ног. Но мы, дети, ещё не осознавали трагизма происходящих событий. Напротив, в этом необычном и долгом путешествии нам было интересно и увлекательно.

Бывшие жители «Войо-Нова», эвакуировавшиеся в колхозном обозе в 1941 г., Беэр-Шева, 2007 г. Слева направо: Доля Ежевская, Зиновий Бекман, Виктор Шиндлер, Маня Березовская (мама З. Бекмана), Майя Дрор (сестра В.Шиндлера)

Ровно через месяц, в конце октября мы прибыли в Керчь, где предстояло вместе со скотом переправиться через Керченский пролив на Таманский полуостров. Отчетливо помню, как нас погрузили на огромные баржи: людей, подводы с лошадьми и скот. Караван барж буксировал один катер. Предстояло преодолеть четырехкилометровый пролив. Переправа была очень оживленной. В попутном и обратном направлениях следовали такие же караваны барж и небольшие военные катера, на палубах были видны зенитные расчеты. Переправу часто бомбили. Это было первое в моей жизни морское путешествие, и потому я запомнил его до мельчайших подробностей и, прежде всего, само море, его цвет, толщу воды и, конечно, крик чаек; и, как мираж, очертания кавказского берега, который медленно приближался… Когда до него оставалось, возможно, менее километра, на военных и буксирных катерах вдруг истошно завыли сирены. В небе появились самолеты, на крыльях которых я впервые увидел свастику. В одно мгновенье дедушка, падая на палубу, увлек меня за собой и накрыл своим телом. Вой сирен смешался со зловещим свистом падающих бомб и рокотом вражеских самолетов, слышны были залпы зениток. Несколько раз резко качнуло баржу, всех окатило прохладной соленой водой. Странно, но, как по команде, завыли коровы, заржали лошади и заблеяли овцы. Несколько овец взрывной волной выбросило за борт баржи, а остальные, подчиняясь стадному инстинкту, начали сами выпрыгивать в море, и в итоге их осталось менее половины… После бомбежки люди от пережитого ужаса медленно приходили в себя. Наверное, нас хранил Господь! А близко были прямые попадания бомб и были жертвы. Наши баржи причалили к пологой песчаной косе, называемой в народе Чушкой, – отмели, удобной для высадки скота. Дедушка Абрам помогал возницам съезжать подводам по наклонным отмосткам на берег. Погонщики скота сгоняли его с барж на берег и группировали стадо. Надо было как можно быстрее уходить от этого зловещего места. Лошади с трудом тащили подводы по песчаной дороге. Но очень скоро на всех катерах опять завыли сирены. Среди людей началась паника. На песчаной косе негде было укрыться. Люди падали навзничь в песок, прикрывая голову руками, животные стали разбегаться. Появившийся фашистский самолет на бреющем полете обстрелял нас из пулеметов. Меня спасло чудо и убитая корова, которая свалилась рядом, прикрыв меня своим туловищем, изрешечённым пулями. И опять из нашего обоза никто не пострадал. В этот день мы простились с детством, реально воспринимая пережитый ужас и трагизм войны… Эвакуированный уцелевший скот был сдан уполномоченным Темрюкского района Краснодарского края. Людей расселили по ближайшим станицам. А нашей семье предстоял ещё долгий, полный драматизма путь дальнейшей эвакуации, конечным пунктом которой стал поселок Хачмас на берегу Каспийского моря, севернее г. Баку. В Хачмасе мы жили в большом бараке, в котором каждая семья имела свой угол, отгороженный от других семей марлевыми перегородками. В один из мартовских дней 1944 г., когда почти все взрослые были на работе, мы с бабушкой Розой услышали по радио сообщение о том, что ведутся тяжелые бои на подступах к Севастополю и, что сегодня на рассвете освобожден поселок Саки. После освобождения Крыма в апреле 1944 г. появилась надежда вернуться в родные места… Первого сентября 1944 г. я, наконец, пошел в школу, в первый класс… Мама обращалась в различные инстанции, и наконец, в декабре 1944 г. нам

разрешили вернуться в Крым. В первых числах января 1945 г. мы отправились на поезде в Крым. Несколько недель дороги — и Крым. И наконец, долгожданная станция назначения САКИ. На календаре 25 января 1945 г. У всех в глазах слезы, а я ещё не понимал, что от радости тоже плачут. В соседнем со станцией селе Горопашник (ныне Лесновка) оставляем у довоенных знакомых дедушку и чемоданы, а сами по зимней январской крымской распутице 16 км. идем пешком по знакомой дороге в сторону «Войо-Ново». Остаются позади окрестные села. Через четыре часа пути поднимаемся на последний пригорок и… внизу за балкой, открывается панорама нашего села. Всего сорок дворов и среди них и наш дом, отчий дом… Бабушка Роза становится на колени и целует землю. Радость возвращения переполняет сердца. И даже я, десятилетний подросток, чувствую, как что-то сжимает мне грудь. В первые же часы нашего возвращения мы узнали от односельчан, переживших оккупацию, страшное известие о судьбе Мины Сегал и детей. Фашисты вывезли их в соседнее село, живьем сбросили в заброшенный колодец и забросали гранатами. А спустя некоторое время пришло ещё одно трагическое известие: в Киеве в Бабьем Яру погибли родная сестра дедушки Сурка и ее старший сын Давид… Ещё продолжалась война, ещё приходили «похоронныё» и мы ещё долго ничего не знали о судьбе моего отца Бекмана Пейсаха, отбывающего незаслуженное наказание в лагерях ГУЛАГа.